

ГЕННАДИЙ ПАШКОВ

УТРЕННЯЯ ПОЭМА

1

Не двор —
музей села здесь, что ли? —
два века в нем переплелись.
Вот жернова:
муку мололи
и перемалывали жизнь.

А вот соломенные сита —
в сарае, чтоб не портил дождь.
Вот рядом старое корыто —
совсем ненужное,

но всё ж...

Хоть этот хлам
мозолит очи,
наперекор крутой жене,
его он выкинуть не хочет,
ведь для него дороже нет,
чем этот дар

ПАШКОВ Геннадий Петрович родился в 1948 году в д. Липовичи Чашникского района Витебской области. Окончил Белорусский государственный университет. Поэт, прозаик, переводчик, публицист. Член Союза писателей. Автор многих книг. Лауреат Государственной премии Республики Беларусь и премии Ленинского комсомола Беларуси. Первый секретарь Союза писателей Беларуси, член Президиума Союза писателей Союзного государства.

отцов и дедов,
в который,
не для красных слов,
любовь вложил какой-то предок —
основу всех земных основ.

Смолистый сруб в саду белеет,
луною освещен кругом.
И взгляд приятеля светлеет:
— Вот ставлю детям новый дом...

Отговорив —
про то, что было,
что будет, и про то, что есть,
едва горячность поостыла,
на сеновал прошусь залезть.

Не позволяют:
— Гость!..

Но смело
свое упрямство доказал:
на чердаке, где звезды в щелях,
валюсь на свежий сеновал.

И здесь, вдали от шума злого,
от боли пополам с тоской,
мой сон, пришедший из бывшего,
колышет месяц молодой.

2

Рябинка выросла на взгорье.
Стоит, заросшая травой.
И будят утром птичьи хоры
ее предосеньский покой.

А материнский дом убогий,
живущий, может, сотый год,
дымок разносит над дорогой,
как будто белый пароход.

Вот лес передо мною снова,
и аист важный на гумне.
И кружку молока парного
мать подает привычно мне.

Тропинки,
старые дороги,
приветливых десятков слов —
как надо, в общем, нам немного,
чтоб юность возвратилась вновь.

...Под вечер сходятся дороги
на раздорожье,
а за ним
такого юного
так много
земного счастья
нам двоим.

...Сирень у церковки...
И тонкий
дрожит сквозь ветви лунный рог.
И шепчет горячо девчонка:
— Там кто-то ходит, ей-же Бог!

“А в темноте, обросший, в тине, —
наводит дядька Фэлька страх, —
гуляет ночью кто-то дивный
и прячется в густых кустах”.

Вот так, уже почти отчаясь,
страшась — не вышло бы чего! —
пугает Фэлька нас.
Встречаюсь —

он знает —
с дочкой я его.

Но лишь погрузится глубоко
у уставшая деревня в сон,
сквозь камыши и сквозь осоку
мы к теплой заводи идем.

И вся земля —
как сон,
как диво,
как рощи и полей завет,
сливаются в один, единый,
подаренный нам Богом свет.

И нет пока что в наших душах
осколков горечи и зла.
Сквозь тьму
мы звездный жар нарушим
прикосновением весла.

Зарница высветлится грозно,
без грома —
и умчится в сон.

И грянет с ивы и березы
полночный соловьиный звон.

Примерив плащ зари на плечи, —
такое вспомнишь,
и не раз!
Плывём туманом,
и надречье
трезвоном осыпает нас.

Но жаль —
и ночка заревая,
и звон, рассеянный в ветвях, —
всё-всё проходит,
исчезает,
туманом белым отплывает,
теряясь в дальних облаках.

И лишь однажды
там, где ветки
шумят под ветром в унисон,

тебя разбудит на рассвете,
как эхо —
птичий
перезвон.

3

Едва-едва пробьется солнце —
петух разбудит удалой.
Услышу, как стучит по донцу
ведерка
пенный сыродой,
как кошка в дверь скребется лапкой.
И душу мне наполнит вновь
и горечью, и болью сладкой
к отчизне прежняя любовь,
И сердце вновь замрет от счастья —
всё с детства так знакомо мне,
и заклеочет песню страсти,
как прежде, аист на гумне.

А я не верил, что на свете,
где горем встречи суждены,
еще рассветом пахнет ветер,
еще такие снятся сны!

Душа очистилась от хлама,
от пустоты и суеты...
В понятия: родина и мама —
корнями прорастаешь ты.

И корни те
в земле и небе,
в неслышных сполохах зарниц,
в напевах материнских,
в хлебе
и в звонком холоде
криниц...

Я, утра песню
принимая,
приветствую сиянье дня...
А вот хозяйка молодая —
и вся из света и огня!

Не дав словам пустым излиться —
у слов искусственная роль —
она накрыла стол в светлице:
как говорится, — хлеб да соль.

А чтобы не настигла жажда,
таинственный, как некий джинн,
хозяин из каморки важно
выносит солнечный кувшин.

— Теперь пчеле не много взятков:
так много химии в траве.
Вот — прошлогодний мед, остаток.
Ты посмотри, каков на свет!

Под пересвисты птичьих трелей,
под запах росный от земли,
мы за накрытый стол присели,
беседу снова повели.

— А ты, читал я, знаменитый:
то — вымпел,
то — почетный знак...
— Что ж, правда, было...
Жали жито...
А заливало, брат мой, как!..
И ночевали где-то в поле...
Ведь целый месяц этак лить!..
Забот хватило поневоле...
Да все прошло.
Что говорить?..

...Село — отдельная держава.
Не для наград —
который год —
живет в трудах
и умирает
в обычных хлопотах
народ.

Расскажет друг —
село кто бросил,
а кто не женится никак.
За четверть века на вопросы
ответив, подытожит так:
— Земля меняется и люди.
То осень,
то опять весна.
...Вот скоро рощицы не будет.
И речки нет теперь у нас...

— Как? Нет Спеглянки?
Как так вышло?! —
по телу пробежал мороз. —
Мы, значит, лишь во сне услышим
над речкой гулкой звон берез?..
— А наши дети?
Наши внуки?!
Как жаль! Для них не сберегли...
— Немало бед от лженауки...
— Мы тоже многое могли!
Вот ты!..
Поёшь про обновлень...
И я...
Но полагаю все ж:
Природу ставя на колени,
В себя мы загоняем нож!..

...Молчу, душа горит пожаром.
Не проглочу застрявший ком
Ни с медом солнечно-янтарным,
Ни с этим свежим молоком.

*Перевела
Елизавета Полеес*